

Запись школы общины с Хулианом Карроном

Милан, 23 октября 2019 г.

Текст: Х. Каррон. «Кто Сей?». День начала года «Общения и освобождения»

- Foi Deus
- Noi non sappiamo chi era

Слава...

Veni Sancte Spiritus

Приветствую всех присутствующих и тех, кто подключился к нам из других мест. Начинаем нашу работу, как обычно, с лекции Дня начала года. Она напоминает, в какой ситуации мы призваны жить нашей верой, напоминает о культурном контексте, который Умберто Галимберти определяет как нигилистический. Тема эта касается не только узких специалистов, не только философов; все мы знаем, насколько она затрагивает каждого из нас, ведь и мы нередко оказываемся заложниками всего на свете. Простой образ, доступный всеобщему пониманию, объясняет, что такое нигилизм: мы уподобляемся этакому дрейфующим минам, ни к чему не привязываемся и в результате плывем по воле обстоятельств. В ответ на такой опыт нельзя просто разглагольствовать, говорить правильные фразы об опыте или закрывать глаза на ситуацию. Это было насмешкой, а мы тут собрались, поскольку, напротив, уважаем нашу жизнь и серьезно к ней относимся. Поэтому вслед за отцом Джуссани мы сказали, что нет иного способа дать отпор нигилизму, кроме веры. Мы часто это повторяем, но не всегда понимаем, порой для понимания нужно время.

Прочитаю письмо, которое я написала другу. «Вчера вечером на школе общины я лучше поняла, что такое опыт. Я слушала моих друзей, и в какой-то момент мне захотелось сказать: „Вы вообще понимаете? Возможно, последнему из пришедших [хотя мой приход – на самом деле возвращение] очевиднее: в этой компании творится нечто по-человечески невыносимое для мира...“ И я не могла не вспомнить то, что пережила в прошлом году. Я четырнадцать месяцев провела в Африке. Когда я вернулась, все до одного, встречая меня, в конце концов говорили: „Это, наверное, потрясающий опыт... Какой прекрасный опыт...“ – и так далее. Полная ерунда. Можно совершить что-то выбивающееся из привычного образа жизни, но если не задействовано твое „я“, даже четырнадцать месяцев в Африке не станут опытом. Невероятно, но эти четырнадцать месяцев (и все, что было до них) становятся для меня опытом сейчас. Почему? Я встретила вас! Весь мир молчит, не смотрит, не относится всерьез, предпринимает попытки разрешить проблемы собственными силами и согласно собственным идеям. А здесь происходит нечто иное. В этой компании люди серьезно относятся к себе. И для меня это продолжает быть чем-то не от мира сего! Нельзя сказать, что мы тут все лучше других, что у нас больше нет недостатков или трудностей, мы даже не всегда единодушны. Но со всеми и с каждым по отдельности что-то случилось, что-то покорило нас и изменило. Наконец Кто-то сказал нам: „Твое неукротимое сердце со всем его желанием дал тебе Я, и не по ошибке. Ты не ошибка, и желание быть любимым, которое ничто не в состоянии утолить, не невезение“. Так человек может пережить опыт, то есть приобрести разумение смысла вещей, освобождающее тебя от твоих шаблонов, от твоих планов, от расчетов, чтобы распахнуть

в тебе изумление перед реальностью, творящейся на твоих глазах: помимо тебя, но прежде всего для тебя; и все это благодаря встрече – конкретной, объективной, истинной, пробуждающей твое сердце, то есть твое „я“. И из чего видно, что она истинна? Из того, что она меняет тебя, вкладывает в тебя нечто новое, чего ты не достиг бы даже самыми огромными твоими усилиями. Вот благодать, которой я живу. И это новое во мне я замечаю на работе, в отношениях, с моими родителями». Спасибо.

Спасибо. «Даже четырнадцать месяцев в Африке могут не быть опытом». По какой причине? Ты говоришь: из-за отсутствия «я». Когда недостает «я», нас бросает из стороны в сторону, и тогда нужно вернуться в место, где принимаешь собственное «я» настолько серьезно, что начинаешь выносить уроки из пережитого. А что происходит, если человек не отдает себе отчет в том, чем живет? Он пытается (именно так ты описываешь нигилизм) разрешить проблемы собственными силами, которые ничего не разрешают. Каждый из нас, каким бы ни был наш подход к этому вопросу, тоже должен проверять, что действительно помогает нам жить и не бросаться из стороны в сторону, а что не помогает. Ты видела, что твои попытки не приносили желаемых плодов, и так тебе удалось заметить инаковость, с которой ты встретила, вернувшись из Африки. Только место, где твое «я» принимается всерьез, меняет тебя. Там ты понимаешь, что по-настоящему обновляет жизнь – так, как не могут обновить ее никакие твои усилия. Будучи внимательными к тому, что нам здесь предлагается, мы можем удостовериться в том, о чем говорили летом и повторили на Дне начала года: путь к истине является опытом. Кому-то это удалось?

На дне начала года ты сразу же поставил вопрос: «Действительно ли путь к истине является опытом?» Этот вопрос заставил меня работать, искать в моей жизни подтверждение истинности того, что ты предложил на Дне начала года. Некоторые события помогли мне в этой работе. Как-то вечером мы с группой друзей говорили о нашей жизни. В частности, один человек рассказал о работе и о том, как он идет туда с радостью, сознавая, что рабочее место – часть реальности, где Тайна проникает в его жизнь. Слушая его, я подумал: «Как это прекрасно и желанно», – и ощутил положительное потрясение. Но уже мгновение спустя оно начало испаряться, поскольку на первый план вышла другая мысль: «Я не такой». Все во мне сосредоточилось на усилии соответствовать тому, что меня поразило. Я задыхался. К счастью, еще один друг заговорил и задал простой вопрос: «Что его рассказ говорит мне, нам?» Этот вопрос остался в моем сердце, я почти не спал и осознал: слушая нашего друга, пока он рассказывал, я весь был прикован тем, что происходило перед моими глазами. Христос присутствовал для меня в том друге, который, как ты говоришь, захвачен до самых глубин. И как же странна жизнь: Христос приходит, а я не замечаю, потому что ставлю на первый план мои реакции, мои душевные состояния. Но Христос не сдаётся и тут же вновь заявляет о Себе с помощью друга, не позволяющего тебе спокойно лечь спать и упустить из виду происходящее. Немедленное следствие, которое я пережил на опыте, заключалось в том, чтобы заметить, что что-то произошло в тот вечер и что, когда это что-то происходит, ты уже не можешь свести самого себя к своим недостаткам, к своей непоследовательности, поскольку, когда появился Он, я понял: мое сердце сотворено для Него – не ради чего-то меньшего. И сознание о такой несводимости сердца к чему-то меньшему, принесло мне огромное умиротворение. Я уже больше не задыхался.

Как мы говорили на Дне начала года, у нас на глазах могут случиться факты, но мы упускаем их из виду. Евангелие повествует о событиях, о чудесах, происходивших перед всеми, но часто люди не изумлялись, как изумился Христос, сказавший о сотнике: «Ни в ком Я не встречал такой веры» (ср. Мф. 8:5–12). Иными словами, никто так не признал, кем Он был, как тот римский солдат. То, что ты описываешь, может приключиться и с нами. Не то что события не происходят, но уже мгновение спустя мы позволяем им ускользнуть. К счастью, Тайна все еще милостива к каждому из нас и сразу же помогает нам. Что происходило, пока говорил твой друг?» Если мы упускаем это из виду, если не проделываем работу, если не готовы принимать любой намек, подаваемый реальностью, постепенно от всего, что происходит, не останется и следа и мы окажемся предоставлены самим себе, станем заложниками всего вокруг. И поэтому от нас требуется наше присутствие, нужно наше «я». События происходят, но если мы, увидев их, мгновение спустя позволяем им ускользнуть, то остаемся наедине с нашими усилиями. А наших усилий мало, чтобы захватить нас, они слишком слабы. Отворачиваясь, отводя взгляд от происходящего, мы тут же ощущаем последствия, задыхаемся. Улавливая же происходящее, осознавая его, я, даже оставаясь полным недостатков, нахожу умиротворение, «огромное умиротворение», и уже больше не задыхаюсь. Существуют знаки, по которым можно понять, что мы что-то упускаем из виду. И напротив, порой, не прилагая бог знает каких усилий, мы узнаём Его, поскольку что-то меняется, и мы больше не задыхаемся. Именно такой вызов стоит перед нами сейчас, когда нас бросает из стороны в сторону: способна ли вера, способно ли христианство выстоять перед лицом нигилизма?

В пятницу день выдался по-настоящему тяжелый: за плечами целая неделя (работа, дети, дела), я была очень уставшей. Оставалось предпринять последнее «усилие» – отвести одного из моих детей в спортзал. Там я встретила с молодой мамой, которую знаю, поскольку ее дочери – ровесницы моих детей и ходят в одну и ту же школу в нашем городке. Мы разговорились, и я начала жаловаться на мою неделю. Вдруг она перебивает меня и спрашивает: «Ты случайно не знакома с каким-нибудь толковым священником?» Вопрос застал меня врасплох. Мы хорошо знаем друг друга, ей известно, что я из Движения, а я в курсе, что она неверующая. Она продолжила: «Понимаешь, я больше не могу притворяться, и это повторяется вновь и вновь, я больше не могу сдерживать желание найти смысл моей жизни. Я отошла от веры, которую передали мне в юности мои родители, потому что она не выдерживала испытаний. Порой я пытаюсь заглушить мои вопросы, но они довольно скоро возникают заново. Я замечаю в себе безмерную потребность быть любимой. Мне больше недостаточно того, что у меня есть». Я замерла без слов, в растроганности. А потом стала рассказывать ей о пути, по которому сама иду, и даже процитировала ей День начала года. И когда я сказала: «Знаешь, Каррон начал со слов одного психоаналитика, Галимберти...» – она перебила и воскликнула: «Ну да! Нигилизм! Это как раз моя ситуация!» Я продолжила говорить ей о христианской компании, в которой живу, и она призналась: «Видишь, мне тоже хотелось бы иметь таких друзей». Я же ответила: «А мне очень хочется, чтобы такая дружба была у меня с тобой!» И она: «Знаю, поэтому я тебе и рассказала». На следующий день после шести вечера я подарила ей номер «Трачче» с текстом Дня начала года. В десять утра еще через день я случайно встретила ее, и она сказала: «Я уже прочитала! Спасибо! Текст уже мне помогает!» Тогда я пригласила ее на твою школу общины сегодня вечером. Она не раздумывала ни секунды: «Да, я приду!» Для меня все это – огромный

подарок: ее чистота и честность вселили и в меня желание быть такой и иметь такое сердце. Странно, но, хотя я смертельно устала, ко мне в тот день вернулись силы, словно меня оживили. Я очень благодарна, ведь благодать, дарованная мне во встрече с Иисусом через Движение, – настоящее сокровище. Я все больше осознаю, что несу в себе великое сокровище, сокровище, которое, несомненно, кто-то ожидает.

Как ты сказала в начале, мы тоже можем быть заложниками чего угодно (тяжелого дня, недели, полной разных трудностей). Потом ты встречаешь подругу, которая находится в такой же ситуации и уже больше не в состоянии жить без смысла. Это настоящее утешение, поскольку мы ни в чем не нуждаемся, мы лишь должны считаться с собственной человечностью. Все мы бедные люди, и нам не нужно придерживаться какого-то уровня: нам, встретившим Христа, и другим, еще ищущим смысл жизни. Как видите, последний из пришедших может стать даром для нас, а мы – для него, ведь каждый из нас желает найти то, что его захватит. И когда человек это находит, сразу же проявляется его открытость или, как говорила ты, трогательные чистота и честность. Часто только что встреченные люди изумляют нас. Так случилось и с Иисусом в Евангелии: «И в Израиле я не видел такой веры», – сказал Он о сотнике. Сейчас случается то же, что и тогда! Все мы товарищи в таком поиске, и новые люди помогают нам осознать, чем мы живем. В том числе и с помощью «Трачче». Мы порой его даже не пролистываем, я уже и не говорю про то, чтобы его читать. А твоя подруга прочитала его менее, чем за двадцать четыре часа. Мы же растрчиваем дары, даваемые нам Тайной. То, что случилось с тобой, может случиться с любым из нас. Именно нигилизм как отсутствие смысла парадоксальным образом помогает нам заметить тех, в ком что-то происходит. Твоя подруга из всех людей, которые ее окружают, выбрала тебя, чтобы спросить о священнике, поскольку она желала войти в отношения, способные вырвать ее из бессмысленности.

Один из вас пишет мне: «Авторитет – это человек? Человек с именем и фамилией?» Обратим внимание на то, как разворачивались события, о которых нам только что рассказали. Та женщина встретила не нечто абстрактное, а человека с именем и фамилией, подругу, чем-то заинтересовавшую ее. Письмо продолжается: «Нужно ли в отношении с авторитетом душевное родство?» Все эти проблемы, на которых мы застреваем (словно реальность непременно должна соответствовать некой идее), отпадают, когда мы по-настоящему нуждаемся. Все проще, если мы чисты и честны перед лицом происходящего. И потому авторитетом являются те, в ком мы видим победу над нигилизмом, в какой бы ситуации человек ни был, какие бы ошибки ни совершил (как Магдалина, грешница). Ничто из этого не имеет значение, не мешает, не встает на пути: ты можешь уйти или отдалиться на время, можешь еще находиться в поисках, можешь впасть в рассеянность и т. д., но единственно важны честность, чистота, с которыми ты принимаешь Тайну, определенным образом достигающую тебя сейчас. Наш опыт в настоящем помогает еще лучше осознать ценность евангельских рассказов, и меня поражает, что эпизоды, которые мы привели в лекции Дня начала, становятся каноном, парадигмой, позволяющими нам понять, какую новизну принес Христос в нашу жизнь.

В работе над текстом Дня начала года меня поразило то, как ты объясняешь пример Магдалины. В конце (с. 4) ты говоришь: «Разница очевидна, когда встречаешь человека, целиком захваченного кем-то. Это и есть вера».

Именно это ей сказал Иисус: «Вера твоя спасла тебя» (см. Лк. 7:36–50).

Тогда я спросила себя, что такое вера для меня, и заметила, что для меня вера всегда была вопросом, скажем так, «незыблемых утверждений» и некоторых дел, которые нужно выполнять (школы общины, молитвы, мессы). Я довольствовалась этим. Сейчас, однако, по прошествии времени я устала жить так, чтобы не оставалось пространства для моей человечности во всей ее полноте. Меня весьма поразило, что ты связал веру с проблемой привязанности, порыва, устремленного к чему-то, к кому-то, как это было для Магдалины. И у меня возник вопрос: что значит жить верой? Почему она связана с привязанностью? Например, я переживаю моменты привязанности, когда мы собираемся на ужин моей группой Братства, я испытываю искреннюю привязанность к некоторым друзьям и подругам. Я живу, отдаю себя ради каких-то дел, вроде встречи, которую наша община организовала в сентябре. Это помогает мне видеть больше и укреплять прекрасную и безвозмездную дружбу с разными людьми. Достаточно ли этого? Это и есть жизнь в вере?

Оставь открытыми твои вопросы. Нет надобности как можно скорее закрыть их с помощью определений. Ты сама видела (и поразительно, как ты это описываешь!), что часто христианство сводится к этике или, выражаясь твоими словами, к «некоторым делам, которые нужно выполнять». Вот обычный стандарт, под который подгоняется христианство. «Я довольствовалась этим», – призналась ты. Сейчас же ты понимаешь, насколько этого мало! Мне кажется весьма интересным, что мы, слыша евангельскую историю, процитированную в лекции Дня начала, возводим ее в канон, в парадигму, и на ее основании выносим суждение: в жизни Магдалины было что-то, что мы, со всеми нашими незыблемыми утверждениями и делами, упускаем. Наконец Евангелие начинает говорить: не громкими фразами, а всего лишь посредством тех или иных рассказов, напоминающих нам о природе христианства, которая нередко ускользает от нашего внимания, но которая (благодаря Богу и тому, что ты уже не в состоянии довольствоваться неполноценной версией христианства) поражает нас и для нас желанна. Вот почему я называю нынешнюю ситуацию прекрасной возможностью осознать, до какой степени мы сводим христианство к доктрине или этике. Напротив, для Магдалины христианство не являлось в первую очередь доктриной или этикой, оно совпадало со всецелой охваченностью присутствием Человека, утверждавшего определенные вещи и поступавшего определенным образом. Но прежде всего Человек этот охватывал ее целиком! Мы можем повторять те или иные слова и при этом сводить христианство к доктрине и этике, тогда как христианство есть событие Слова (доктрины), ставшее плотью. Не воплощаясь, оно не охватывает меня всецело, до самого нутра! Утверждать, что христианство касается самого нашего нутра – значит не умалять веру до сентиментальности, а признавать: если оно не затрагивает и наши глубины, мы оказываемся во власти всего вокруг. Достаточно было процитировать вам всем евангельский отрывок в контексте нашего пути, чтобы он начал говорить о чем-то, как никогда раньше не говорил. Сколько раз ты слышала, сколько раз мы слышали историю Магдалины! Но сейчас она говорит столь красноречиво, что позволяет обнаружить, как мы сузили христианство. Ты описала это с точностью до миллиметра: «незыблемые утверждения» и «дела». Можно – говорили мы на Дне начала года – усиленно заниматься делами ассоциации и повторять между нами определенные слова, но вопрос Иисуса остается всегда тем же: «Сын Человеческий, когда вернется, найдет ли еще веру на земле?»

(ср. Лк. 18:8). Веру в том смысле, какой мы имеем в виду, – как охваченность Его присутствием. Поразительно, что же такое вера? Вера есть признание Присутствия, которое притягивает тебя, прилепляет к себе, охватывает тебя всего. Что же нужно, чтобы понять, хватит ли нам того, о чем ты говоришь?

День начала года оживил во мне вопрос: что значит, что тебя «порождают», что значит «быть детьми»? Первая борьба, которую мне пришлось вести внутри себя, – борьба против умаления этого вопроса до идеи о том, кто мне отец, до проблемы психологического или сентиментального характера. Этого было слишком мало, поскольку это не вело меня к столь желанным свободе и радости...

Видите? Сразу же появляются знаки того, что что-то не так. Наши идеи не производят ни свободу, ни радость.

Еще хуже: жить становилось сложнее. Тогда я взялась за предложенную нам работу и стала смотреть на опыт и выносить о нем суждение.

«Смотреть на опыт» – непростая работа! Не будем воспринимать ее как должное, поскольку мы продолжаем совершать одни и те же ошибки. Мы в Движении целую вечность и продолжаем совершать одни и те же ошибки, потому что опыт нас ничему не учит.

Я хотела увидеть, где и как Господь решит явить Себя живым и вновь присутствующим в моей жизни. Приведу два факта. Примерно месяц назад я говорила о моем опыте на встрече под названием «Женщины мира, солидарности и диалог». Кроме меня в ней участвовали две мусульманки. После выступления одной из них я рассказала о себе, о моем опыте, показала несколько фотографий. Мусульманка помоложе поблагодарила меня, поскольку увидела на фотографиях улыбающихся людей и ей понятно было, что это «настоящие улыбки». Вторая женщина, которая до тех пор говорила «социологическими категориями», вдруг ощутила достаточную свободу и сказала: «Пожалуй, лучше, если теперь я расскажу вам о себе». Мы трое по-настоящему встретились, и, садясь в машину, я думала: «Ты только посмотри, на что способен Иисус, когда Он приходит! Он меняет сердце и делает более человечными отношения. Только Он может такое!» Я вернулась домой с обновленными любовью и свободой, которые несусь с собой и туда, где работаю. Второй факт имел место как раз в школе. В начале учебного года к нам пришла мама в мусульманской одежде, в никабе – головном уборе, который оставляет открытыми только глаза, вся в черном. Всеобщее замешательство буквально ощущалось в воздухе, я и сама, признаюсь, была поражена такой инаковостью. В последующие дни, беседуя с ней о кое-каких проблемах ее сына, я смотрела ей в глаза с нежностью, с желанием преодолеть внешнюю сторону, столь далекую от меня. Глядя на нее, я думала о том, как часто Иисус поступал так же со мной: Он посмотрел мне в глаза и вышел на поиски моего сердца! Мне захотелось смотреть так на ту маму. И вот однажды утром, пока мы говорили, она неожиданно сняла никаб и открыла мне свое молодое лицо. Я была потрясена и подумала: «Кто же Ты, Иисусе, что, когда Ты жив во мне как память, другой человек, столь отличный от меня, ощущает большую свободу быть самим собой и открывает свое лицо?» Я и сама почувствовала себя в большей мере дочерью Его нежности и верности. Наконец, и мой ученик начал меняться.

Это правда: чтобы понять, что значит быть детьми, не нужно размышлять, достаточно просто позволить происходящему и Тому, Кто приходит, удивлять нас и порождать. Какое замечательное начало года! Спасибо.

Просто поразительно! Как видим, не требуется ничего особенного. Мы можем жить в мультикультурном обществе и знакомиться с людьми, во всем отличными от нас, как это было и во времена Иисуса, Который встретил сотника или самарянина. Он исцелил десять прокаженных, но лишь самарянин вернулся, чтобы поблагодарить. Из чего понятно, что эта молодая мама, со всеми ее отличиями, участвует в том, что Иисус принес в историю? Из того, что она начинает быть самой собой, как ты совсем того не ожидала, ведь совершенно невозможно предвидеть, как кто-то почувствует себя перед тобой настолько в своей тарелке, что откроет тебе свое лицо. У нее были свои шаблонные представления о западных христианах, как они, вероятно, есть у нас насчет мусульманских женщин. Но никакой шаблон не помешал ей в один прекрасный момент ощутить себя охваченной взглядом, давшим ей свободу быть самой собой и «открыться» тебе, так что ты пришла в удивление. Это красноречивее любых комментариев, которыми мы можем разбрасываться, сильнее любых трудностей, которые можем приводить как препятствие для передачи веры в мультикультурном контексте жизни. Перед лицом подобных фактов нечего добавить, мы только с изумлением сознаем, что, позволяя взгляду, принесенному в мир Иисусом и достигающему нас в рамках нашей истории, позволяя ему порождать нас, и сами мы начинаем порождать, помогая другим становиться самими собой. Евангелие умалчивает о том, как продолжились отношения сотника с Иисусом и с Тайной. Ответственность за них лежала на сотнике, и Иисуса, кажется, этот вопрос не слишком тревожил. Евангелие не говорит, что Его заботило, как все пойдет дальше, когда чудо совершилось. Иисус уловил момент открытости сотника и заявил о нем всем: «Ни в ком Я не видел такой веры», такого ясного признания Его присутствия. Если, видя, что происходит благодаря нашему взгляду, благодаря тому, как мы вступаем в отношения с другими людьми, мы действительно изумляемся происходящему, то нам удастся найти ответ, который мы ищем. Но выдержит ли все это удар времени? Кто увидел в собственном опыте, что его выдерживает?

«Кто Сей?» Думаю, этот вопрос, а точнее, тот факт, что его задаешь себе в жизненных обстоятельствах, – единственная возможность понять, что выдерживает удар времени. Когда я, слепец, не замечал кого-то, кто, почти сам того не сознавая, заставлял меня спросить: «Кто Сей?», – мне казалось, что все рано или поздно может кончиться. Даже самая нежная любовь, даже самый дорогой друг. Я долго блуждал, порой как будто без всякого смысла. А потом осознал, что цель моих блужданий была в поиске смысла, поскольку вопрос «Кто Сей?» я в прошлом задавал неоднократно, и странным и чудесным образом он меня никогда не оставлял, даже если в последнее время он был скрыт, спрятан где-то во мне. Мне кажется, это неудобный вопрос, задавать его – труд взрослого человека, не ищущего места в первых рядах или наград – мирских или религиозных, которые ничего не меняют. Спрашивать: «Кто Сей?» – это труд взрослого человека, признание Любви, которая неким образом уже есть все. Почему я так говорю? Приведу один пример. Мой брат и невестка «вошли» в Движение. Я никогда им о нем не рассказывал о Движении за все тридцать лет, что в нем состою! Однажды они обратились по одному вопросу к моей жене, а она пригласила их на школу общины. После этого они прошли определенный путь, и сейчас у нас маленькая группа Братства (спустя три-четыре года они в

него записались). Когда состоялась встреча для новых членов Братства, они вернулись и казались Иоанном и Андреем, поскольку, пока они рассказывали, ни у кого из слушавших не возникла и тени сомнения: они встретили нечто ни на то не похожее. Я тогда переживал момент, в который мне казалось, что меня уже не ждет ничего нового. Слишком много слов я уже слышал, слишком много споров, слишком высокомерно считал, что уже все знаю, – я сам, да и другие. Скука! Мне было по-настоящему скучно. И вот эти двое возвращаются и говорят: «Встреча закончилась, а нам не хотелось уходить, настолько мы ощущали себя понятыми и любимыми!» Глядя на них, я подумал: «Что видят они, чего я уже больше не вижу?» Потом, на Дне начала года, я понял, что они для меня авторитет. Они не росли в Движении с малолетства, но в тот момент именно они были авторитетом, то есть «местом, где сопоставление ощущений, потребностей сердца и ответа, содержащегося в Христовой вести, прозрачнее, проще и потому спокойнее». Поэтому-то мы и образовали нашу группу Братства и, когда встречаемся, между нами нет никакого формализма или правильной меры, мы очень свободно помогаем друг другу наслаждаться присутствием Христа среди нас и спрашивать: «Кто Сей?» И даже если я продолжаю блуждать, я становлюсь все радостнее, потому что каждый день чувствую себя, как слепорожденный. Можете говорить что угодно, но сейчас я радостный, а раньше таким не был.

Что видят твой брат и твоя невестка, чего ты уже больше не видишь, хотя ты в Движении тридцать лет? Ты мог бы начать корить себя, но вместо этого ты просто последовал за ними, пошел за ними по пятам, а не осуждал себя за твою слепоту. Ты в простоте держался того способа, с помощью которого Тайна вновь вышла тебе навстречу. Вот что такое авторитет: кто-то, в ком видишь, как то, чего ты желаешь, совершается более прозрачным, ясным образом (говорит отец Джуссани). И потому, если в человеке есть простота, неважно, в каком он состоянии: он позволяет последнему из пришедших породить себя, ведь именно последний из пришедших дается ему, чтобы он мог наслаждаться тем Присутствием, которое мы уже не видим, не замечаем. И раз мы его больше не видим, Тайна ставит перед нами человека из плоти и крови, того, в ком явно просвечивает Он. Большого и придумать нельзя! И потому, осознав это, ты только и можешь повторить за слепорожденным: «Оставьте меня в покое. Я раньше не видел, а сейчас вижу». Ты раньше не был радостным, а сейчас – да.

Один человек написал мне, что иногда такой отец, такой авторитет словно внушает ему страх. Твоя реакция перед братом и его женой вовсе не саморазумеющаяся, ведь в отношении с авторитетом легко начать соизмерять себя: «А что подумают другие? Что скажут обо мне?» – и спрашивать себя, насколько ты соответствуешь, насколько держишь планку, тогда как нужно лишь позволить победе Христа, совершающейся в тех двоих, охватить тебя. Именно эта повторяющаяся победа Христа вновь очищает наш взгляд и делает свободными, одолевает страх перед мнением других. Поэтому-то нужно быть внимательными к опыту. Кто действительно нам отец?

Когда я возвращалась домой после Дня начала года, меня переполняло услышанное, произошедшее. Однако в определенный момент я стала думать о людях, которых встречаю ежедневно, случайно или на работе. И у меня вдруг возник вопрос: «Почему вообще передо мной стоит проблема авторитета? Жизнь и так полна проблем, почему у меня должна быть еще и эта?» Мой вопрос сразу же растрогал меня и привел в молчание, как бывает, когда что-то

случается или когда кто-то вынуждает тебя остановиться и посмотреть. Если вопрос меня расстрогал, то ответ довел (и до сих пор доводит) до дрожи в коленках, как когда тебя охватывает нечто великое. Авторитет есть способ, которым Бог позволил мне Его узнать, метод, с помощью которого Он вошел в мою жизнь. Он мог этого не делать, но сделал. И сделал Он это, используя определенное лицо (и никакое другое), определенное место (это, а не другое). Когда я это сознаю, у меня буквально дух захватывает. Какой трепет и какую благодарность ощущаешь! Постепенно, со временем я стала замечать, что вся реальность может быть авторитетом, Тайна может выйти мне навстречу самыми странными и непредвиденными способами. И я распознаю Его уникальные черты, поскольку всякий раз жизнь вновь начинает мне что-то говорить. Есть, однако, постоянный ориентир, благодаря которому я переживаю особый опыт авторитета, благодаря которому вновь и вновь вспыхивает моя свобода, как говорит отец Джуссани. И этот ориентир – ты или, лучше, твой опыт веры. Если я думаю о последнем периоде, то больше всего потрясает и «заражает» меня твое послушание реальности и любовь к ней. Я знаю, что такое возможно, только когда человек находится в отношении с Тем, Кто его порождает.

Можно задать тебе вопрос? Один человек пишет мне, как и ты сказала: «Вся реальность является авторитетом». Но не достаточно ли тогда просто жить в отношении с реальностью, которая является авторитетом? Зачем добавлять имя и фамилию? Нет ли тут некоего «персонализма»?

Со мной обычно так: в отдельные моменты я признаю авторитет, но потом...

Но потом?

Потом я возвращаюсь к подготовке занятий, к повседневным обязанностям и свожу все к тому, что должна делать.

Благодарю тебя за ответ. Порой мы не сознаем, что, найдя присутствие, о котором говорилось сегодня вечером, мы начинаем иначе пребывать в реальности, и все становится знаком, или, можно сказать, авторитетом. И тем не менее в какой-то момент возникают «но» и «однако», хотя что-то предшествует любому «но». Так говорил нам отец Джуссани, цитируя Гвардини: «В опыте великой любви... все происходящее становится событием» (*L'essenza del cristianesimo*. Brescia: Morcelliana, 1980. P. 12). Недавно на ужине подруга рассказывала, как влюбилась и как все теперь говорит ей больше, чем раньше. В истории великой любви она смотрит новым, иным взглядом даже на то, что раньше ее раздражало. Но, как сказала ты, все дело в вызове, который бросает нам Джуссани. Необходимо проверить, длится ли эта любовь во времени, если нет никого, кто породил бы нас. Вот почему он утверждает: «Никто не порождает, сам не будучи порожден». Если это не продолжает происходить, реальность уже больше ничего не говорит нам, перестает быть авторитетом, перестает быть новой. Чтобы позволить нас породить, мало быть порожденными в прошлом, необходимо получить рождение сейчас, потому что, как только этого больше нет, наше отношение с реальностью возвращается к обычной монотонности. Самостоятельно, за счет наших абстрактных мыслей нам из нигилизма не выбраться. «Отец, – говорил мне один друг на этой неделе, – тот, кто вновь подсвечивает

уровень истины в моей жизни и вырывает меня из повседневной банальности». Поэтому-то и нужны имя и фамилия. Каждый должен определить их для себя, поскольку на кон тут поставлена сама природа христианства. Отцовство, авторитет (говорит отец Джуссани в лекции Дня начала) – наиболее чуждые для всеобщего менталитета понятия. Это подтверждается тем, что, как только кто-либо отождествляется с ними, он рискует быть обвиненным в персонализме. Однако без отцовства христианство превращается в нечто абстрактное, и мы это понимаем, потому что оно нас больше не захватывает. Поэтому, думаю, особая ситуация, в которой мы живем, окружающий нас нигилизм парадоксальным образом являются невероятной возможностью признавать, что «незыблемые утверждения» и «дела» не захватывают нас, что для жизни недостаточно урезанной версии христианства. Лишь когда происходит описанное в каноне, в парадигме, то есть в Евангелии, когда мы в человеке из плоти и крови признаем присутствие Иисуса, которое захватывает нас до самого нутра, только тогда христианство есть и только тогда оно являет всю свою новизну и природу события, разрешающего проблему жизни. Если же оно не захватывает тебя до нутра, ему не стать ответом, не зацепить всё в нас. Когда же это случается, оно цепляет, да еще как!

В этом году, получив по почте карту, свидетельствующую о записи в Братство, я растрогалась, поскольку ощутила себя дочерью, охваченной отеческим уверенным взглядом. А когда на Дне начала года я услышала об авторитете, я не могла не подумать обо всех людях, которые подпитывали и продолжают подпитывать во мне эту уверенность (как и сегодня вечером). Но сейчас я совершаю новый шаг на моем пути, достаточно новый, – шаг осознания. Я замечаю, как все, что происходит со мной, формирует меня, становится неотъемлемой частью меня. И это не чувство и не эмоции. Это способ быть и действовать. Словно в повседневной жизни все преумножается, и я понимаю, что не могу ничего оставить без внимания, ни на что махнуть рукой. Так меняются все двадцать четыре часа моего дня, и даже больше: время, события как будто умножаются от того, как насыщенно я их теперь переживаю. Несколько дней назад со мной случилась одна, вероятно банальная, вещь. Я познакомилась с одним человеком, и, как обычно бывает, мы стали задавать друг другу вопросы (чтобы понять кто перед тобой). Разговаривая и отвечая, я заметила: какую тему мы ни затрагивали бы, я не могла не упоминать то, что со мной произошло. Моя история всплывала в разговорах о дружбе, о работе, об увлечениях, о самых банальных вещах. Просто не получалось оставить за рамками беседы что-либо из того, чем я каждый день живу и что составляет часть меня. Я не могла исключить из какого-либо аспекта моей жизни Христа! На любой вопрос я отвечала примерами того, чем я живу, и мой собеседник неизменно говорил: «Это интересно!» – хотя и не упоминал Христа в открытую. Невероятно! В прошлом я оставляла «религиозные разговоры» в стороне из страха, что на меня навесят ярлык. Сейчас же я не в состоянии этого избежать, так как это неотъемлемо от меня и делает меня в большей степени самой собой! И говоря об этом, я замечаю, что глаза человека напротив распахиваются, возможно, больше, чем мои собственные, словно он говорит: «О чем она вообще?» Примерно так же случалось и случается и со мной, когда я слушаю людей, охваченных Христом. А теперь я и сама охвачена! И это меняет жизнь, преумножает все! Как будто на дворе всегда воскресенье. Вот что такое жизнь! Вот что такое опыт для меня. И я спрашиваю только, как могу признавать Его всегда в повседневности, как не упускать все это из виду. Я боюсь, что все это внезапно исчезнет или что трудности сделают это не столь очевидным.

Не переживай. Он сказал тебе: «Я с вами во все дни до скончания века» (Мф. 28:20), и потому Он никуда не исчезнет. Единственное, о чем мы должны просить, – простота сердца, позволяющая признавать Его. Ты уже так поступаешь, и именно это делает нас по-настоящему детьми. Интересно, что, когда человек замечает, что его порождают, он не оставляет без внимания никакие аспекты своей жизни, все облекается в новизну, которую Христос принес в мир. Ты не можешь говорить о твоей жизни, не упоминая эту новизну. И совсем не обязательно добавлять слово «Христос», в том числе и потому, что часто люди думают, будто уже знают, Кто Он такой. Изумляются же они, видя новизну чьей-то жизни, притягательную, соответствующую их ожиданиям. И она может сказать им о Христе больше, чем если бы они слышали Его имя, о котором, по их мнению, они уже все знают. Вот огромный вызов, стоящий перед нами, перед каждым из нас: позволить породить себя, чтобы любой человек, встречающий нас, через отношения и обстоятельства жизни видел людей, в которых нигилизм побежден. И это самое ясное свидетельство о Христе, на которое мы только способны, – место, где Христос побеждает. Поэтому давайте и дальше помнить о лекции Дня начала. Работа над ней не завершается сегодня вечером, хотя мы и переходим к следующему тексту. Она задает направление на весь год, как было и в прошлом году, когда первая лекция определила все вплоть до сегодняшнего дня. Не будем закрывать тему, ведь нам еще нужно разобраться в том, что значит отцовство и сыновство, чтобы Христос присутствующий все больше притягивал нас.

Следующая школа общины состоится в среду, 20 ноября. Начинаем работать над книгой «Прочертить след в истории мира», которую отец Джуссани написал вместе со Стефано Альберто (отцом Пино) и Прадесом.

В нее вошли встречи отца Джуссани с ответственными Движения, относящиеся к девяностым годам и «наметившие» путь «Общения и освобождения» в тот период. Этот текст, согласно отцу Джуссани, освещает «новые пути христианского опыта» по аналогии с одним из первых текстов Движения, который назывался «Пути христианского опыта». Это огромная помощь в продолжении нашего пути, по которому мы идем в последние несколько лет. Мы начали с «Религиозного чувства», основополагающего для каждого из нас. Затем мы размышляли о том, что лежит «у истоков христианского притязания» – притязания, касающегося нашей жизни. Читая третий том, «Зачем Церковь», мы убедились, что Христос продолжает пребывать во времени и пространстве. Сейчас же посмотрим, какое значение все это имеет для повседневной жизни. В прошлом году нас сопровождало свидетельство отца Джуссани «Живет то, что живет в настоящем!» Мы приняли его вызов, сформулированный в вопросе о том, «что выстоит под ударами времени», который мы рассмотрели на упражнениях Братства и студентов. Многие из вас внесли в них свою лепту, исходя из собственного опыта. На Дне начала года мы увидели, что опыт есть «слово-ключ» ко всему, поскольку, как говорил отец Джуссани, «именно благодаря истинному, объективному опыту люди обнаружили присутствие Бога в мире». Когда мы сталкиваемся с определенным присутствием, которое производим не мы, реальным, объективным, вне нас, возникает вопрос: «Кто этот человек?» Новая книга вписывается в этот ряд. Благодаря ей мы сможем глубже рассмотреть содержание Дня начала года. Мы увидим христианский опыт, о котором свидетельствует и который предлагает отец Джуссани, а также метод Движения, на котором он неизменно настаивает, то есть новое

открытие христианского события как встречи. По мере пути мы видели, как часто урезаем христианство. И настойчивость отца Джуссани есть знак его отцовства. Он говорил: «Бог, чтобы Его признали, вошел в человеческую жизнь по-человечески, под видом человека, так что человеческие мысль, воображение и чувства были как бы „прикованы“, словно магнитом притянуты Им». Если так не происходит, мы не признаем Его.

Мы также увидим, всю широту и глубину взгляда отца Джуссани на веру, которая есть «победа, побеждающая мир», признание Его присутствия в настоящем, присутствия, захватывающего тебя до самого нутра и продолжающего пребывать в истории через Церковь. Церковь – современность Христа в истории, «компания тех, кого Христос отождествил с Собой» и кто стал в истории новым народом, «местом, которое одновременно есть и путь», как мы сказали на упражнениях Братства.

До 20 ноября будем работать над введением двумя первыми пунктами первой главы, касающимися Иоанна и Андрея, а также метода Бога.

Вопросы и краткие свидетельства можно отправлять на адрес электронной почты sdccarron@comunioneliberazione.org: на иностранных языках – до вечера пятницы, на итальянском – до вечера воскресенья, предшествующего нашей встрече. Оставляйте ваш номер телефона, чтобы мы могли с вами созвониться.

Книга месяца в ноябре и декабре – «Сердце мира» Джона Генри Ньюмана (*Il cuore del mondo*). Она знакомит нас с мыслью и верой кардинала Ньюмана, который, как вы знаете, 13 октября был причислен Папой к лику святых. Ньюман уже в свое время говорил о многих вещах, касающихся переживания веры, которые мы затронули и сегодня вечером.

Движение предлагает всем участвовать в следующих двух инициативах. Прежде всего национальный Продуктовый сбор, который состоится 30 ноября в рамках Всемирного дня бедных, установленного папой в воскресенье, 17 ноября. В своем послании Франциск, цитируя девятый псалом («Надежда нищих не до конца погибнет»), призывает нас вернуть людям надежду, утраченную перед лицом несправедливости, страданий и неуверенности.

Другая инициатива – рождественские палатки AVSI, тема которых в этом году: «Рискуй с нами. Новые поколения – главные герои мира». Кампания направлена на поддержку проектов в Сирии, Ливане, Мозамбике, Амазонии, Венесуэле, Италии.

Продуктовый сбор и палатки AVSI – простые инициативы, помогающие нам понять, что отцовство, которое мы обретаем в нашей компании, есть милосердная любовь, расширяющая наш взгляд на нужды мира. Они затрагивают основополагающие потребности всех людей, и участие в них можно предлагать каждому, с кем мы разделяем повседневную жизнь, чтобы и у них возникли любопытство и надежда.

Veni Sancte Spiritus

Всем доброго вечера!